

ТРОПАМИ ИСКУССТВА

ДЕНИС ГАРДАРИ

ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО ХУДОЖНИКА

Эксклюзивное мнение

Денис Гардари

**Тропами искусства. Записки
странствующего художника**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 133.5:54
ББК 86.42

Гардари Д. М.

Тропами искусства. Записки странствующего художника /
Д. М. Гардари — «Издательство АСТ», 2021 — (Эксклюзивное
мнение)

ISBN 978-5-17-122442-4

Смешные и грустные истории из жизни художников, перемежающиеся экскурсами в историю искусства и философскими рассуждениями о современном мире, удивительным образом «расшифровывают» культурные коды, лежащие в основе нашей реальности. Сложнейшие смыслы, накопленные искусством за долгие годы, в этой необычной книге как бы переведены на язык простого человеческого диалога. Какова природа искусства, какое место «художественное» занимает в нашей жизни, что такое современность, что будет с искусством завтра и зачем живут творцы - ответы на эти вопросы можно поискать вместе с автором. Ведь путешествие «тропами искусства» доступно каждому, нужно только захотеть! В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 133.5:54
ББК 86.42

ISBN 978-5-17-122442-4

© Гардари Д. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Хоть и художник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Денис Гардари

Тропами искусства. Записки странствующего художника

Хоть и художник

Кто говорит, что машины времени не существует? Неправда. То, что недоступно современной передовой науке, вполне реализовано РЖД. Поезд Адлер – Барнаул, вот вам, пожалуйста, причем недорого.

Поехали мы с женой в Тюмень из Екатеринбурга, у нее выступление на чемпионате по аргентинскому танго, а я так, за компанию. Сели в поезд.

Пошли, говорю, в ресторан, кофе попьем. Пошли. Надо было пройти через четыре плацкартных вагона... Вот тогда-то я и начал подозревать, что технология путешествия в прошлое уже давно открыта РЖД – сразу вспомнились советские коммуналки (я, между прочим, успел пожить в такой). Кто в козла забивает, кто храпит, кто байки травит, а кто и курочку с яйцами смакует... Романтика-а-а.

Прошли «сквозь время», заходим в ресторан, официантка со скорбным лицом: присаживайтесь. И подала меню.

Мы выбрали, я подзываю ее взглядом, в ответ отрицательно машет головой.

– Почему? – спрашиваю.

– А у меня рабочий день начинается только через полчаса.

В Тюмени уже, сидим на центральной аллее на летней веранде. Забегает мужик в костюме лошади, откидывает бутафорную голову и кричит:

– Пиво холодное есть?

– Есть, у нас даже сегодня спецпрограмма: две кружки берете, третья в подарок.

– Нет, – отвечает «лошадь», – по этой программе не пойдем, а то у вас пива не хватит, а меня из лошадей выгонят!

Я сижу рядом, рисую в блокноте, на столе бумажки смятые, руки испачканы графитом, морда тоже – люблю карандаш погрызть.

Один кед снял и поставил в него стакан с морсом, ветер сильный, а так не сдует. Говорю, значит, любителю пива:

– Слышь, лошадь, у тебя голова отпала.

Он так внимательно меня оглядел, посмотрел на странную композицию с кедом и отвечает:

– У тебя, судя по всему, тоже...

Выносят пиво. Он выпивает залпом, блаженно щурится, вытирает с губ пену и произносит:

– Эх, жить, как говорится, хорошо!

И смотрит на меня. Я – ожидаемо:

– А хорошо жить еще лучше.

– Ну, вот, наш человек, хоть и художник...

* * *

Отношение к художникам в России всегда было пограничным. Правда, если в начале XIX века эта пограничность скорее в минус (художники воспринимались не как творцы, а как

необразованные ремесленники), то в конце позапрошлого века уже скорее в плюс. В советское время чаша весов опять качнулась в обратную сторону, и хотя огромная масса художников официально превратилась в рабочих-оформителей, «человек труда» в основном воспринимал их как бездельников.

Ну, ясное дело, чуваки, которые сидят по пыльным мастерским, малюют всякую фигню, бухают, заливая плохо пахнущими жидкостями внутренний диссонанс – ничего полезного для социалистического общежития сотворить не могут.

Хотя самих художников в то время больше беспокоило не отношение к ним со стороны социума, а сама атмосфера и условия творческого процесса. После объединения в середине тридцатых всей культурной общественности в государственные творческие союзы со свободой, новаторством и художническими экспериментами стало совсем грустно.

Все это вызывало глухое недовольство огромного количества людей. В очень разной форме: и в виде прямого протеста, и в виде внутренней эмиграции, и в виде упорного поиска иной альтернативной эстетики как способа открыть окно и проветрить душливое пространство социальной реальности. Казалось, что если это сделать, то жизнь кардинально изменится. И как только спадут или ослабнут путы официальной нормативности, так сразу творческая энергия забьет ключом, вырвавшись на просторы свободного, ничем не ограниченного волеизъявления. История возникновения целого пласта советского неформального искусства связана именно с этим.

Вот, например, Кабаков. Илья Кабаков, наверное, самый известный советский нонконформист и, пожалуй, один из самых состоявшихся современных русских художников. Его имя знают и уважают во всем мире, отдавая дань силе его таланта, вне зависимости от согласия (или несогласия) с его творческим языком или гражданской позицией. Впрочем, для Кабакова, мне кажется, это вещи неразрывные.

Кабаков уехал из России уже в самом конце восьмидесятых, сейчас живет и работает в Нью-Йорке, самом центре современного искусства современного мира. Но «растет» Илья Иосифович, конечно, из мира советского... Плоть от плоти его, со всеми его проблемами и «дискурсами». «Маленький человек», диктат системы, «социальная духота», неприятие предопределенности и страх неопределенности, эстетизация обыденного – все это очень понятные советские темы, но, согласитесь, удивительным образом они актуальны и сейчас. В глобальном контексте.

Думая о Кабакове, я всегда вспоминаю одну его работу, называется она «Диван-картина». Она не очень популярна, даже картинки в интернете нет, но я вспоминаю именно ее. Вместо полотна холста – большая мягкая спинка дивана такого светло-серо-голубого цвета, а где-то в левой части, нарочито не посередине, в это «поле» вдавлена маленькая пластина с портретом человека. Казалось бы, фигня какая-то. Но, если вдуматься... Лично для меня это образ «вдавленности» нашего частного «я» в мир. Причем это вдавленность не непосредственно в бытие, а в такое мягкое и удобное, практически бесцветное пространство банальнообыденного, в тот наш «экзистенциальный» диван, на котором мы прячемся от реального мира.

Или Оскар Рабин, неформальный лидер Лионозовской группы, организатор Бульдозерной выставки, поэт «барачной истории». Как говорил сам Рабин, в его жизни было три «жизни»: до смерти Сталина в 1953-м, с 1953-го по 1978-й и с момента эмиграции – жизнь в Париже. Да, жизни – целых три, но художник в Рабине точно родом из второй. Если посмотреть ретроспективно на его картины, то очевидно, что с определенного момента язык Оскара Яковлевича практически не меняется. Немухин (один из лионозовцев) вспоминал, что однажды, приехав к Рабину, он услышал возглас: «Я нашел себя!» А после возгласа увидел на картине ни на что не похожий «живой» барак, с глазами-окнами и собственной неповторимой «говорящей» историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.